

Уголовно-релевантный аффект и реакция самовзвинчивания

Сафуанов Ф.С.

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России); Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1703-7956>, e-mail: safuanovf@rambler.ru

Солдатова К.М.

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4908-5821>, e-mail: memoridzata@mail.ru

Актуальность исследования определяется трудностями дифференциальной диагностики уголовно-релевантного аффекта и эмоциональных реакций, в генезе которых существенную роль играет самовзвинчивание. Целью исследования является выделение существенных признаков самовзвинчивания, анализ психологических механизмов его возникновения и развития. Феномен самовзвинчивания у лиц с расстройствами личности проанализирован в контексте когнитивных теорий эмоций, нервно-психического гомеостаза, аффективных комплексов, доминанты и агрессии. Сделан вывод, что самовзвинчивание можно определить как многокомпонентный психический процесс, обуславливающий интенсификацию эмоционального возбуждения посредством аутостимуляции, которая может осуществляться как во внутреннем плане, так и с взаимовлиянием как внутренних процессов, так и внешних воздействий. Практическое значение исследования заключается в том, что при дифференциальной диагностике аффекта и психических состояний, связанных с самовзвинчиванием, при сходной феноменологии криминальной стадии, необходимо учитывать различный психологический механизм возникновения и развития эмоциональной реакции в предкриминальной ситуации.

Ключевые слова: комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза, судебно-психологическая экспертиза, аффект, самовзвинчивание, расстройство личности.

Для цитаты: Сафуанов Ф.С., Солдатова К.М. Уголовно-релевантный аффект и реакция самовзвинчивания [Электронный ресурс]. Психология и право. 2024. Том 14. № 1. С. 140–151. DOI:10.17759/psylaw.2024140109

Criminally Relevant Affect and Self-Excitation Reaction

Farit S. Safuanov

V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation; Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1703-7956>, e-mail: safuanovf@rambler.ru

Kseniya M. Soldatova

V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation; Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4908-5821>, e-mail: memoridzata@mail.ru

The relevance of the study is determined by the difficulties of differential diagnosis of criminally relevant affect and emotional reactions, in the genesis of which self-excitation plays an essential role. The purpose of the study is to identify the essential signs of self-excitation, to analyze the psychological mechanisms of its occurrence and development. The phenomenon of self-excitation in individuals with personality disorders has been analyzed in the context of cognitive theories of emotions, neuropsychic homeostasis, affective complexes, dominance and aggression. It is concluded that self-excitation can be defined as a multicomponent mental process that causes the intensification of emotional arousal through autostimulation, which can be carried out both internally and with the mutual influence of both internal processes and external influences. The practical significance of the study lies in the fact that in the differential diagnosis of affect and mental states associated with self-excitation, with a similar phenomenology of the criminal stage, it is necessary to take into account the different psychological mechanism of the emergence and development of an emotional reaction in a pre-criminal situation.

Keywords: complex forensic psychological and psychiatric examination, forensic psychological examination, affect, self-excitation, personality disorder.

For citation: Safuanov F.S., Soldatova K.M. Criminally Relevant Affect and Self-Excitation Reaction. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2024. Vol. 14, no 1, pp. 140–151. DOI:10.17759/psylaw.2024140109 (In Russ.).

Введение

Объектом исследования судебного эксперта-психолога, так же как и судебно-психиатрического эксперта, является психическая деятельность подэкспертного лица в юридически значимых ситуациях [8; 16]. Специфика судебно-экспертного подхода, в отличие от общей психодиагностики, выражается в понятии «юридически значимые ситуации», т. е. ситуации, в которых совершаются те или иные поступки, оценивающиеся в зависимости от предметного вида судебной экспертизы с помощью разнообразных критериев. Так, в комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизе (КСППЭ) несовершеннолетнего обвиняемого такой ситуацией будет ситуация совершения правонарушения [16], при экспертизе суицидента — период времени, предшествовавший самоубийству, и сам момент суицида [17], а при экспертизе свидетеля — предкриминальная, криминальная, посткриминальная, следственная и судебная ситуации [9].

Одним из наиболее сложных предметных видов КСППЭ является экспертиза аффекта у обвиняемого. В силу трехфазной динамики уголовно-релевантного аффекта критерии судебно-психологической экспертной оценки разработаны и для предкриминальной (доаффективной), и для криминальной (собственно аффективной), и для посткриминальной (постаффективной) ситуаций [5; 20]. При дифференциальной диагностике аффекта со схожими психическими состояниями и реакциями обычно используют различие облигатных признаков на аффективной фазе: так, при физиологическом или кумулятивном аффекте, с одной стороны, и при патологическом аффекте, с другой, доаффективная фаза может быть сходной, но в самой криминальной ситуации выявляются отличительные характеристики. Так же сходными могут быть докриминальные фазы при дифференциальной диагностике аффекта с эмоциональными реакциями, не достигающими степени выраженности аффекта, однако особенности психической деятельности в криминальной ситуации отчетливо различаются [11; 18; 20].

В то же время есть один вид дифференциальной диагностики, когда феноменология криминальных фаз при аффекте и при психопатической реакции вследствие самовзвинчивания могут не отличаться друг от друга: и там и там наблюдаются частичное сужение сознания, нарушения произвольной регуляции деятельности. Ясно, что в этом случае сходная феноменология имеет различные психологические механизмы и клинко-психологические критерии играют решающую роль для судебно-экспертной оценки уже не криминальной, а докриминальной стадии. Однако кроме указаний на то, что эмоциональные реакции, связанные с самовзвинчиванием, носят характер привычного типа реагирования в субъективно сложных ситуациях у лиц с расстройством личности и их нельзя расценивать как уголовно-релевантный аффект [11], анализа психологического механизма феномена самовзвинчивания не проводилось.

Самовзвинчивание — лексема интуитивно понятная, но ее житейски смысловая очевидность не может удовлетворять требованиям науки. Несмотря на широкое использование данной категории в научных источниках, анализ специальной литературы не обнаруживает какого-либо определения указанного понятия, механизмов и целостного описания его феноменологии.

Целью исследования является выделение существенных признаков самовзвинчивания, анализ психологических механизмов его возникновения, развития и формулирование содержания научного понятия.

Психологические механизмы самовзвинчивания

Обзор литературы на данную тему позволяет проследить следующие тенденции употребления рассматриваемой категории: она, во-первых, используется в работах по судебной психологии и психиатрии, а во-вторых, сугубо в контексте личностных расстройств [11; 15]. Инициация «самовзвинчивания» наиболее типична для субъективно сложных ситуаций с индивидуально значимым триггером, вследствие чего относится к проявлениям диспозиционной логики поведения; в контексте фрустрирующих воздействий самовзвинчивание квалифицируется как проагрессивный фактор [15]. С наибольшей частотой самовзвинчивание сопряжено с такими индивидуально-психологическими особенностями, как эмоциональная неустойчивость, вспыльчивость, возбудимость, демонстративность [1; 15; 19]. Кроме того, самовзвинчивание часто используется с термином «самопопустительство», определяясь как его частное выражение [3; 6; 7]. На наш взгляд, такое отождествление не вполне корректно ввиду разнородности этих психологических категорий: самовзвинчивание — это процесс, психологический механизм, а самопопустительство — установка, отношение к реализуемому

процессу. Тем не менее, такое положение связано с общепринятым, отмечающимся большинством авторов признанием реакции самовзвинчивания как произвольной и управляемой: она описывается как «рациональное управление аффектом», «механизм произвольной аффектации» [6], «эмоциональная накрутка» [12], «намеренное усиление аффективного напряжения» [11]; однако степень контролируемости изучаемого процесса представляется спорной. Так, Ф.С. Сафуанов описывает вариативность экспертных решений в зависимости от отношения подэкспертного к возникающему у него импульсу к самовзвинчиванию — потакания или противостояния ему. При непосредственной реализации склонности к самовзвинчиванию в конфликтной ситуации с осознанным пренебрежением самоконтролем подэкспертный, как правило, признается «вменяемым», а в случае попыток противодействия ей, которые оказались безуспешными ввиду личностной дисгармонии и неспособности перейти на смысловой уровень регуляции, — «ограниченно вменяемым» [15].

Результирующий эффект самовзвинчивания представляет собой «аффективный взрыв» с реализацией действий агрессивного характера [10; 11]. Безусловно, исследуемый процесс не всегда приводит к противоправным действиям, а указанная причинно-следственная связь продиктована судебно-экспертным контекстом, однако самовзвинчивание обуславливает значительную интенсификацию негативно окрашенных эмоциональных переживаний. Ввиду того, что целесообразность процесса негативной самоаффектации сомнительна, требуется установление психологического назначения и смысла самовзвинчивания посредством целостного анализа его механизма. Разрешение неясности регуляторного потенциала самовзвинчивания имеет существенное значение для уточнения экспертных критериев определения аффекта у обвиняемого в практике КСППЭ.

Когнитивный компонент самовзвинчивания. Согласно когнитивным теориям эмоций, возникновение эмоциональной реакции предполагает определенную последовательность процессов: возникновение ситуации — активизация релевантного опыта (знаний о похожих ситуациях) — когнитивная оценка события — физиологическое возбуждение — атрибуция возбуждения — эмоция [31]. В последующем эмоция, ввиду присущей ей побуждающей функции, с одной стороны, и адаптивной роли — с другой, запускает сообразное разрешению ситуации поведение, которое в данном случае будет целенаправленным эмоциональным поведением [13]. Однако С. Шехтер с коллегами описывали и отличные случаи развития эмоциональной реакции, в частности, «особый» или «специальный» способ актуализации эмоций, когда возникшее и осознанное, но «неопредмеченное» возбуждение вызывает у субъекта потребность объяснить его появление и найти его источник; в данном случае модальность эмоции будет зависеть от того, какое именно объяснение возбуждения принято субъектом, какой источник ему в итоге приписан [4].

На основании исследовательских данных о «принадлежности» реагирования по типу самовзвинчивания лицам с легко возбудимой нервной системой, формирование изучаемого феномена в рамках описанной теории, на наш взгляд, берет свое начало на этапе атрибутирования. Так, уровень переживаемого возбуждения будет несоразмерно высок по отношению к когнитивной оценке значимости ситуации, обуславливая выраженный дисбаланс при атрибуции. Указанное несоответствие будет порождать у субъекта потребность в поиске убедительных оснований, соразмерных интенсивности возбуждения, осуществляемого посредством перезапуска этапов активизации релевантного опыта и когнитивной переоценки. Новые актуализируемые события прошлого, суждения и переживания, в разной степени ассоциированные с настоящей ситуацией, будут, в свою очередь, стимулировать рост возбуждения с формированием все более аффективно насыщенного фона. Таким образом, происходит

планомерное самовозбуждение субъекта вследствие когнитивного «замыкания» с избыточной внутренней мыслительной переработкой собственных ассоциаций.

В некоторых исследованиях аффективные процессы подразделяются на «нисходящие» и «восходящие» в зависимости от источника их генерации; так, восходящие эмоции являются ответом на условно объективные эмоционально-перцептивные свойства стимула, а нисходящие эмоции берут свое начало из когнитивной оценки ситуации [32]. Успешность реализации коррекции или эмоциональной регуляции будет отличаться в зависимости от метода генерации эмоций. Так, «нисходящая генерация эмоций» практически не подвержена влиянию внешних обстоятельств и даже при объективном изменении ситуации эмоциональное состояние, обусловленное субъективной когнитивной оценкой, будет оставаться прежним, а возбуждение сохраняться дольше.

Когнитивная переоценка обычно выделяется как одна из наиболее адаптивных форм эмоциональной регуляции, так как предполагает переосмысление событий «в менее эмоциональных категориях». Вероятно, у носителей исследуемого нами феномена одним из факторов, обуславливающим такую контрпродуктивную, парадоксальную когнитивную переоценку значимости события в сторону повышения ее субъективной значимости, является преобладание экстрапунитивного типа реагирования. Изучение ретроспективных отчетов правонарушителей, совершивших насильственные действия на фоне сильного гнева, показывает, что они часто настаивали на том, что их агрессия была лишь следствием поведения потерпевших, были уверены в оправданности своих действий, не считали себя виноватыми [22]. Ввиду высокой активации самооправдания при приверженности внешнеобвиняющей позиции, у таких лиц гнев, с одной стороны, значительно более устойчив к попыткам подавления через сознательную регуляцию, а с другой стороны, такие лица склонны подпитывать собственный негативный аффект посредством уверенности в его оправданности и правомерности. Именно указанные свойства и оценки могут свидетельствовать о прочной связи между реакциями самовзвинчивания и самопопустительства.

Имеет смысл выделить и метакогнитивный аспект в формировании самовзвинчивания. Метакогниции — это особый компонент познавательной сферы, состоящий в сознательном анализе или рефлексии собственной мыслительной или эмоциональной «продукции» [25]. Результаты такого внутреннего анализа могут служить самостоятельным источником происхождения каких-либо аффективных откликов, а в некоторых случаях становится сверхзначимым стимулом, подчиняющим себе мотивацию и поведение индивида.

Обобщая вышесказанное, самовзвинчивание может развиваться на почве дезадаптивной когнитивной переоценки, продиктованной: 1) поиском дополнительных источников для атрибутирования высокого уровня возбуждения, посредством которых происходит повышение субъективной значимости происходящего; 2) экстрапунитивным когнитивным стилем с убежденностью в правомерности собственных гневных переживаний и, как следствие, их протрагирования; 3) малой чувствительностью к изменениям внешних условий с фиксацией на собственных оценках; 4) актуализацией дисфункциональных метакогниций, как дополнительного источника аффективных импульсов.

Самовзвинчивание с точки зрения концепции нервно-психического гомеостаза. В энергетической концепции Дж. Фримэна [29] выделяются три составляющие гомеостатического цикла психического состояния: возбуждение, разрядка и восстановление. Каждая из них обладает определенной устойчивостью и собственным порогом «переключения» — индексом. Согласно автору, изначально субъект находится в состоянии покоя, которое обладает некоторой стабильностью и резистентностью к модификациям; несмотря на сопротивление,

субъект может «смещаться» с этого базового состояния внешними стимулами, генерирующими добавочное возбуждение. Вызванное возбуждение порождает разрядку и затем сменяется восстановлением — возвращением системы к состоянию покоя. Индекс восстановления (ИВс) описывает взаимосвязь между возбуждением и разрядкой, указывает на темп уравнивающих смещений в пользу внутреннего покоя; так, низкий индекс восстановления будет свидетельствовать о наличии значительных тенденций к поддержанию напряжения. Индекс возбуждения (ИВз) определяет потенциал мобилизации организма для противодействия (внешней или внутренней) стимуляции. Индекс разрядки (ИР) связан с активностью, посредством которой организм реализует возникшее возбуждение.

Однако некоторые способы реагирования могут больше возвращать в систему возбуждения, чем выводить: автор указывает, что каждый избыточно произведенный ответ на стимул будет приводить к повторному возбуждению. В случае если возбуждение, вызванное стимулом, не утилизируется посредством открытой реакции, оно сохраняется, пролонгируя дисбаланс системы.

С высокой долей вероятности можно допустить, что у лиц с легко возбудимой нервной системой ИВз и ИР будут высокими, а ИВс — низким. Об этом свидетельствуют присущие им сильные раздражительные процессы и отстающие по силе тормозные. Высокий ИР может сигнализировать о наиболее быстрой и эффективной утилизации возбуждения, однако, кроме того, это может свидетельствовать о чрезмерной реакции и, как следствие, повторном возбуждающем эффекте реализуемых способов отреагирования. Самовзвинчивание в контексте данной концепции относится именно к звену разрядки и отражает процесс, при котором отреагирование, ввиду своей чрезмерности и избыточности, будет порождать дополнительное возбуждение до тех пор, пока разрядка не превзойдет по мощности добавочное возбуждение, либо не доведет до истощения энергетических ресурсов нервной системы.

Самовзвинчивание в контексте аффективных комплексов. Возникновение интенсивного, насыщенного эмоционального отклика на какой-либо стимул будет способствовать образованию специфического опыта — аффективного следа или комплекса. Под аффективным комплексом понимают совокупность представлений, зафиксированных в рамках аффективно насыщенной ситуации и актуализирующихся под влиянием раздражителей, ассоциативно связанных с той обстановкой, которая в прошлом вызвала эмоциональную реакцию [2; 14]. Выявляются существенные различия в маршрутизации ассоциативных связей при нейтральном и эмоционально насыщенном стимуле. Когда исходное воспринимаемое явление не затрагивает эмоциональных переживаний, ассоциироваться будут те признаки, которые наиболее часто встречаются вместе в жизни субъекта в силу их объективной сопринадлежности к одним и тем же типовым ситуациям. В случае же, когда стимул несет субъективную эмоциональную окрашенность для воспринимающего его субъекта, ассоциация отклоняется от стандартного маршрута и следует по пути актуализации тех представлений, которые в личном опыте, под влиянием выраженного аффективного переживания, оказались зафиксированы в единую систему.

Можно полагать, что у лиц со склонностью к самовзвинчиванию круг аффективных комплексов шире, чем у лиц с психологическими ингибиторами возбуждения. Это обуславливает высокую вероятность актуализации аффективного комплекса (или сразу нескольких) даже при относительно нейтральных стимулах, с репрезентацией в сознании субъекта множества аффективно окрашенных переживаний. Эти переживания будут провоцировать дополнительные эмоциональные «вспышки» и добавочное возбуждение.

Самовзвинчивание и теория доминанты. Одна из наиболее характерных черт доминанты — способность доминирующей на данный момент системы смыслов «откликаться» на самый широкий круг внешних стимулов, в том числе впервые попавших в поле зрения объекта. Вновь приходящие раздражители будут перерабатываться и действовать преимущественно в плане подкрепления актуальной линии возбуждения и текущей установки [21]. Нейрональный механизм самовзвинчивания может быть соотнесен с теорией доминанты. Субъективно значимая ситуация, вызывающая у возбудимых лиц интенсивный подъем возбуждения с ярким эмоциональным откликом, создает доминирующий мотивационный «центр», который, в свою очередь, начинает подкреплять собственное возбуждение, как сообразными, так и напрямую не связанными, посторонними импульсами. Как следствие, субъект расширяет границы триггерного события и «накачивает» эмоциональное переживание путем включения в него как собственных внутренних представлений, так и побочных внешних ситуативных факторов посредством избирательности восприятия. Доминанта у лиц с расстройством личности не уравнивается личностными структурами, тормозящими агрессивное возбуждение [15].

Самовзвинчивание через призму агрессии. Первое, требующее внимания в изучаемом контексте свойство агрессии, касается ее связи с получением позитивных эмоций. Помимо очевидной, привычной связи агрессии с переживанием негативно окрашенных чувств, в многочисленных исследованиях обнаруживается и противоположное наблюдение: агрессия может вызывать приятные ощущения. При этом данные свидетельствуют о том, что наибольшая корреляция с позитивными эмоциями составляет реактивная агрессия (в ответ на реальную или предполагаемую угрозу), а не проактивная [24]. Агрессия способна восстанавливать испорченное настроение [25], приносить чувство удовольствия [30]. Кроме того, интенсивное чувство гнева, ярости может способствовать значительному повышению самооценки и чувства уверенности в себе [28].

Второй значимый аспект связан с проблемой отреагирования негативных эмоций в качестве способа разрядки и успокоения [26]. Мнение о том, что выражение эмоционального возбуждения в агрессивных действиях способствует восстановлению внутреннего спокойствия, появилось еще во фрейдистских представлениях о катарсисе: негативный аффект накапливается до тех пор, пока агрессивные действия не высвободят его, что приводит к облегчению. Однако, вопреки такой позиции, современные исследования свидетельствуют о том, что реализация агрессии, как посредством вербальных форм (крик, ругань), так и непосредственных действий, не снижала ее уровня, в том числе за счет того, что активное агрессивное поведение увеличивает уровень возбуждения. основополагающим фактором, определяющим успешность разрядки негативных эмоций посредством агрессивных действий, является когнитивное наполнение этого акта. Так, в одном из экспериментов первой группе разгневанных испытуемых предоставили боксерскую грушу для битья, попросив их представлять, что они выражают свою агрессию в адрес обидчика; другая группа испытуемых также была спровоцирована на эмоции злости, и им также предоставили боксерскую грушу, однако их попросили думать о собственной физической форме. Было обнаружено, что в первой группе испытуемых, подпитывающих и циклично повторяющих в сознании агрессивные мысли, уровень гнева увеличился, а участники второй группы демонстрировали более низкие показатели уровня гнева по сравнению с изначальным [23].

С одной стороны, самовзвинчивание, сопровождающееся агрессией, может быть привлекательным для определенного круга лиц ввиду гедонистического компонента такого поведения. А с другой стороны, исследования значения агрессии в качестве разрядки дают вполне

исчерпывающий ответ на вопрос о том, почему самовзвинчивание, как способ отреагирования посредством ярких внешних реакций в виде вербальной и операциональной агрессии, не способствует разрядке возбуждения, а, наоборот, способствует интенсификации самовозбуждения.

Заключение

Самовзвинчивание можно определить как многокомпонентный психический процесс, обуславливающий интенсификацию эмоционального возбуждения посредством аутостимуляции, которая может осуществляться как во внутреннем плане, так и в смешанной форме с взаимовлиянием как внутренних процессов, так и внешних воздействий. В первом случае самовзвинчивание будет определяться как дисфункциональная, цикличная когнитивная переоценка триггерной ситуации, сопровождающаяся актуализацией ассоциативно связанных с ней представлений, обуславливающая расширение ее субъективной значимости и рост эмоционального отклика. Во втором случае самовзвинчивание будет представлять процесс дисфункциональной разрядки, неадекватной стимулу по интенсивности и достигающей степени контрпродуктивного самостимулирования за счет добавочного возбуждения.

Таким образом, при дифференциальной диагностике аффекта и психических состояний, связанных с самовзвинчиванием, при сходной феноменологии криминальной стадии, необходимо учитывать различный психологический механизм возникновения и развития эмоциональной реакции в юридически значимой предкриминальной ситуации. Это имеет значение для обоснованной судебно-психологической экспертной оценки таких эмоциональных реакций и состояний и влечет отличные друг от друга правовые последствия: диагностика аффекта у обвиняемого служит одним из оснований квалификации привилегированного состава преступления (ст. 107, 113 УК РФ), а совершение преступления вследствие самовзвинчивания не является обстоятельством, смягчающим ответственность [15].

Вопрос сохранения произвольной регуляции в процессе самовзвинчивания остается открытым; вышеописанный анализ наглядно демонстрирует, что «самовзвинчивание» не является однородным конструктом, развивающимся по одним и тем же законам в каждом случае, поэтому доля его произвольности и управляемости будет неодинаковой. Для разрешения этого вопроса необходима более тонкая дифференциация этого феномена, как в плане типологизации (во внешнем, во внутреннем плане; с объектом, без объекта; непосредственное; отсроченное и др.), так и в плане поэтапного развития данной реакции, с чем связаны дальнейшие перспективы исследования.

Литература

1. Александровский Ю.А. Пограничные психические расстройства. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2021. 552 с.
2. Вилюнас В.К. Психологические механизмы мотивации человека. М.: МГУ, 1990. 283 с.
3. Георгадзе З.О., Царгасова Э.Б. Судебная психиатрия: Учебное пособие для вузов. М.: Закон и право; ЮНИТИ-ДАНА, 2002. 239 с.
4. Кравченко Ю.Е. Психология эмоций. Классические и современные теории и исследования. М.: Форум, 2012. 544 с.
5. Критерии судебно-психологической экспертной оценки юридически релевантных эмоциональных состояний у обвиняемых: Методические рекомендации. М.: ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского» Минздрава России, 2016. 28 с.

6. Кудрявцев И.А. Судебная психолого-психиатрическая экспертиза. М.: Юридическая литература, 1988. 224 с.
7. Лунц Д.Р. Проблема невменяемости в теории и практике судебной психиатрии. М.: Медицина, 1966. 236 с.
8. Метелица Ю.Л., Шишков С.Н. Объекты судебно-психиатрической экспертизы // Современное состояние и перспективы развития новых видов судебной экспертизы: Сборник научных трудов. М.: ВНИИСЭ, 1987. С. 146–152.
9. Морозова М.В. Психологический аспект экспертизы способности малолетних и несовершеннолетних давать показания по уголовным делам // Психологический журнал. 1997. Том 18. № 4. С. 57–68.
10. Нохуров Б.А. Судебно-психиатрическая оценка расстройств личности у подэкспертных, совершивших агрессивные правонарушения: Дисс. ... канд. мед. наук. М., 2005. 160 с.
11. Печерникова Т.П., Гульдман В.В., Остришко В.В. Особенности экспертной оценки аффективных реакций в момент совершения правонарушения у психически здоровых и психопатических личностей: Методическое пособие. М., 1983. 19 с.
12. Пушкина Т.П. Патопсихология: Учебное пособие. Новосибирск, 2017. 106 с.
13. Рейковский Я. Экспериментальная психология эмоций. М.: Прогресс, 1979. 392 с.
14. Рубинштейн С.Л. О мышлении и путях его исследования. М.: Академия наук СССР, 1958. 148 с.
15. Сафуанов Ф.С. Психология криминальной агрессии. М.: Смысл, 2003. 300 с.
16. Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе. М.: Гардарика, Смысл, 1998. 192 с.
17. Сафуанов Ф.С., Секераж Т.Н. Деятельность, направленная на побуждение детей к суицидальному поведению: возможности судебно-психологической экспертизы [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017. Том 7. № 2. С. 33–45. doi:10.17759/psylaw.2017070203
18. Ситковская О.Д. Психология уголовной ответственности. М.: НОРМА, 1998. 285 с.
19. Собчик Л.Н., Славинская Ю.В. Психодиагностические критерии оценки криминальных склонностей // Прикладная юридическая психология. 2008. № 3. С. 6–23.
20. Судебно-психологические экспертные критерии диагностики аффекта у обвиняемого: Пособие для врачей / Под ред. Т.Б. Дмитриевой, Е.В. Макушкина. М.: ГНЦ ССП, 2004. 43 с.
21. Ухтомский А.А. Доминанта. М.: АСТ, 1966. 273 с.
22. Baumeister R., Stillwell A., Wotman S. Victim and perpetrator accounts of interpersonal conflict: Autobiographical narratives about anger // Journal of Personality and Social Psychology. 1990. Vol. 59(5). P. 994–1005. doi:10.1037//0022-3514.59.5.994
23. Bushman B.J. Does Venting Anger Feed or Extinguish the Flame? Catharsis, Rumination, Distraction, Anger, and Aggressive Responding // Personality and Social Psychology Bulletin. 2002. Vol. 28(6). P. 724–731. doi:10.1177/0146167202289002
24. Bushman B.J., Anderson C.A. Is it time to pull the plug on the hostile versus instrumental aggression dichotomy? // Psychological Review. 2001. Vol. 108(1). P. 273–279. doi:10.1037/0033-295x.108.1.273
25. Chester D.S., DeWalt C.N., Enjaian B. Sadism and aggressive behavior: Inflicting pain to feel pleasure // Personality and Social Psychology Bulletin. 2019. Vol. 45(8). P. 1252–1268. doi:10.1177/0146167218816327
26. Chester D.S., West S.J. Trait Aggression is Primarily a Facet of Antagonism: Evidence from Dominance, Latent Correlational, and Item-Level Analyses // Journal of Research in Personality. 2020. Vol. 89. doi:10.1016/j.jrp.2020.104042

27. Colman A.M. Dictionary of Psychology. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press, 2001.
28. Fava M., Anderson K., Rosenbaum J.F. "Anger attacks": Possible variants of panic and major depressive disorders // The American Journal of Psychiatry. 1990. Vol. 147(7). P. 867–870. doi:10.1176/ajp.147.7.867
29. Freeman G.L. The energetics of human behavior. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1948.
30. Ramirez J.M., Andreu J.M. Aggression and some related psychological constructs (anger, hostility, and impulsivity). Some comments from a research project // Neuroscience and Biobehavioral Reviews. 2005. Vol. 30(3). P. 276–291. doi:10.1016/j.neubiorev.2005.04.015
31. Shachter S. The Psychology of Affiliation: Experimental Studies of the Sources of Gregariousness. Stanford: Stanford University Press, 1959.
32. Venkatraman A., Edlow B.L, Immordino-Yang M.H. The Brainstem in Emotion: A Review // Frontiers in Neuroanatomy. 2017. Vol. 11. doi:10.3389/fnana.2017.00015

References

1. Aleksandrovsky Yu.A. Pogranichnye psikhicheskie rasstroistva. Moscow: GEOTAR-Media, 2021. 552 p. (In Russ.).
2. Vilyunas V.K. Psikhologicheskie mekhanizmy motivatsii cheloveka. Moscow: MGU Publ., 1990. 283 p. (In Russ.).
3. Georgadze Z.O., Tsargasova E.B. Sudebnaya psikhiatriya: Uchebnoe posobie dlya vuzov. Moscow: Zakon i pravo; YuNITI-DANA, 2002. 239 p. (In Russ.).
4. Kravchenko Yu.E. Psikhologiya emotsii. Klassicheskie i sovremennye teorii i issledovaniya. Moscow: Forum, 2012. 544 p. (In Russ.).
5. Kriterii sudebno-psikhologicheskoi ekspertnoi otsenki yuridicheski relevantnykh emotsional'nykh sostoyanii u obvinyaemykh: Metodicheskie rekomendatsii. Moscow: FGBU "NMITs PN imeni V.P. Serbskogo" Minzdrava Rossii Publ., 2016. 28 p. (In Russ.).
6. Kudryavtsev I.A. Sudebnaya psikhologo-psikhiatricheskaya ekspertiza. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1988. 224 p. (In Russ.).
7. Lunts D.R. Problema nevmenyaemosti v teorii i praktike sudebnoi psikhiatrii. Moscow: Meditsina, 1966. 236 p. (In Russ.).
8. Metelitsa Yu.L., Shishkov S.N. Ob"ekty sudebno-psikhiatricheskoi ekspertizy. *Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya novykh vidov sudebnoi ekspertizy: Sbornik nauchnykh trudov.* Moscow: VNIISE Publ., 1987, pp. 146–152. (In Russ.).
9. Morozova M.V. Psikhologicheskii aspekt ekspertizy sposobnosti maloletnikh i nesovershennoletnikh davat' pokazaniya po ugovolnym delam [Psychological aspect of the expertise of the juvenile and under age children ability to bear witness on the criminal cases]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 1997. Vol. 18, no. 4, pp. 57–68. (In Russ.).
10. Nokhurov B.A. Sudebno-psikhiatricheskaya otsenka rasstroistv lichnosti u podekspertnykh, sovershivshikh agressivnye pravonarusheniya: Diss. kand. med. nauk. Moscow, 2005. 160 p. (In Russ.).
11. Pechernikova T.P., Guldan V.V., Ostrishko V.V. Osobennosti ekspertnoi otsenki affektivnykh reaktzii v moment soversheniya pravonarusheniya u psikhicheski zdorovykh i psikhopaticheskikh lichnostei: Metodicheskoe posobie. Moscow, 1983. 19 p. (In Russ.).
12. Pushkina T.P. Patopsikhologiya: Uchebnoe posobie. Novosibirsk, 2017. 106 p. (In Russ.).
13. Reikovskiy Ya. Eksperimental'naya psikhologiya emotsii. Moscow: Progress, 1979. 392 p. (In Russ.).

14. Rubinshtein S.L. O myshlenii i putyakh ego issledovaniya. Moscow: Akademiya nauk SSSR Publ., 1958. 148 p. (In Russ.).
15. Safuanov F.S. Psikhologiya kriminal'noi agressii. Moscow: Smysl, 2003. 300 s. (In Russ.).
16. Safuanov F.S. Sudebno-psikhologicheskaya ekspertiza v ugolovnom protsesse. Moscow: Gardarika, Smysl, 1998. 192 p. (In Russ.).
17. Safuanov F.S., Sekerazh T.N. Deyatel'nost', napravlenaya na pobuzhdenie detei k suitsidal'nomu povedeniyu: vozmozhnosti sudebno-psikhologicheskoi ekspertizy [Activities aimed at encouraging children to suicidal behavior: judicial-psychological examination] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2017. Vol. 7, no. 2, pp. 33–45. doi:10.17759/psylaw.2017070203 (In Russ.).
18. Sitkovskaya O.D. Psikhologiya ugolovnoi otvetstvennosti. Moscow: NORMA, 1998. 285 p. (In Russ.).
19. Sobchik L.N., Slavinskaya Yu.V. Psikhodiagnosticheskie kriterii otsenki kriminal'nykh naklonnostei. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya = Applied Legal Psychology*, 2008, no. 3, pp. 6–23. (In Russ.).
20. Dmitrieva T.B., Makushkin E.V. (Eds.). Sudebno-psikhologicheskie ekspertnye kriterii diagnostiki affekta u obvinyaemogo: Posobie dlya vrachei. Moscow: GNTs SSP Publ., 2004. 43 p. (In Russ.).
21. Ukhtomsky A.A. Dominanta. Moscow: AST, 1966. 273 p. (In Russ.).
22. Baumeister R., Stillwell A., Wotman S. Victim and perpetrator accounts of interpersonal conflict: Autobiographical narratives about anger. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1990. Vol. 59, no. 5, pp. 994–1005. doi:10.1037//0022-3514.59.5.994
23. Bushman B.J. Does Venting Anger Feed or Extinguish the Flame? Catharsis, Rumination, Distraction, Anger, and Aggressive Responding. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2002. Vol. 28, no. 6, pp. 724–731. doi:10.1177/0146167202289002
24. Bushman B.J., Anderson C.A. Is it time to pull the plug on the hostile versus instrumental aggression dichotomy? *Psychological Review*, 2001. Vol. 108, no. 1, pp. 273–279. doi:10.1037/0033-295x.108.1.273
25. Chester D.S., DeWall C.N., Enjaian B. Sadism and aggressive behavior: Inflicting pain to feel pleasure. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2019. Vol. 45, no. 8, pp. 1252–1268. doi:10.1177/0146167218816327
26. Chester D.S., West S.J. Trait Aggression is Primarily a Facet of Antagonism: Evidence from Dominance, Latent Correlational, and Item-Level Analyses. *Journal of Research in Personality*, 2020. Vol. 89. doi:10.1016/j.jrp.2020.104042
27. Colman A.M. Dictionary of Psychology. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press, 2001.
28. Fava M., Anderson K., Rosenbaum J.F. “Anger attacks”: Possible variants of panic and major depressive disorders. *The American Journal of Psychiatry*, 1990. Vol. 147, no. 7, pp. 867–870. doi:10.1176/ajp.147.7.867
29. Freeman G.L. The energetics of human behavior. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1948.
30. Ramirez J.M., Andreu J.M. Aggression and some related psychological constructs (anger, hostility, and impulsivity). Some comments from a research project. *Neuroscience and Biobehavioral Reviews*, 2005. Vol. 30, no. 3, pp. 276–291. doi:10.1016/j.neubiorev.2005.04.015
31. Shachter S. The Psychology of Affiliation: Experimental Studies of the Sources of Gregariousness. Stanford: Stanford University Press, 1959.
32. Venkatraman A., Edlow B.L., Immordino-Yang M.H. The Brainstem in Emotion: A Review. *Frontiers in Neuroanatomy*, 2017. Vol. 11. doi:10.3389/fnana.2017.00015

Информация об авторах

Сафуанов Фарит Суфиянович, доктор психологических наук, профессор, руководитель, лаборатория психологии, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России); заведующий, кафедра клинической и судебной психологии, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1703-7956>, e-mail: safuanovf@rambler.ru

Солдатова Ксения Михайловна, младший научный сотрудник, лаборатория психологии, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4908-5821>, e-mail: memoridzata@mail.ru

Information about the authors

Farit S. Safuanov, Doctor of Psychology, Professor, Head, Laboratory of Psychology, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation; Head, Department of Clinical and Forensic Psychology, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1703-7956>, e-mail: safuanovf@rambler.ru

Ksenia M. Soldatova, Research Assistant, Laboratory of Psychology, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4908-5821>, e-mail: memoridzata@mail.ru

Получена 18.04.2023
Принята в печать 18.08.2023

Received 18.04.2023
Accepted 18.08.2023